

ОТДѢЛЪ ПРОПОВѢДІА ЖЪ И ХЪ.

С Л О В О

при погребеніи дѣтеля печатнаго слова и многихъ церковныхъ и о общественныхъ учрежденій В. А. Федоровскаго*).

Когда въ виду предлежащаго гроба на обычное мѣсто церковной бесѣды является проповѣдникъ, то чего можно и должно ожидать отъ его слова? Ничего, кромѣ посильнаго повторенія и объясненія той проповѣди, которая исходитъ отъ самаго гроба. И въ настоящія минуты вотъ нашъ общій проповѣдникъ! Правда, почившій безмолвствуетъ, языкъ его преста, уста его на вѣки запечатлѣны неумолимою смертію: но, благочестивые слушатели, его безмолвіе развѣ менѣе внятно и выразительно, чѣмъ членораздѣльный звукъ человѣческаго голоса, самое присутствіе гроба не краснорѣчивѣе ли всякаго другого слова взываетъ ко всѣмъ намъ! И кто изъ окружающихъ сей гробъ слухомъ своего сердца не слышитъ, что и мы всѣ рано или поздно должны будемъ лечь въ могилу. Эту непреложную, до слезъ внушительную истину безъ словъ внушаетъ намъ и предлежащій гробъ. Да, благочестивые слушатели, будетъ время, когда и нашъ гробъ будетъ окружать, какъ окружаемъ и мы гробъ почившаго. Такова ужъ жизнь человѣка: онъ рождается, растетъ, цвѣтетъ и увядаетъ! Гробъ—это общій удѣлъ всѣхъ живущихъ.—Но къ тебѣ мое слово, досточтимый почившій рабъ Божій Василій. У самыхъ воротъ вѣчности, за которыми ты оставляешь сей много мятежный міръ, я хочу хоть здѣсь, въ виду бездыханнаго твоего тѣла, сказать тебѣ нѣсколько прощальныхъ словъ. И прежде всего прими, почившій, отъ меня личныя мои скорбныя чувствованія, какъ усердную

*) Произнесено 1 декабря въ Крестовой перкви Архіерейскаго дома.

дань моей искренней къ тебѣ признательности. Пусть мой голосъ любви къ тебѣ соединится съ молитвенными о тебѣ пѣснями св. церкви, пусть взыдетъ къ небу жертвой благопріятной въ обновленіе твоего духа.

Подобно тихому безмятежному сну настала для тебя кончина. За нѣсколько минутъ до нея ты еще ясно, отчетливо бесѣдовалъ съ родными и знакомыми; болѣзненнымъ, но пристальнымъ взглядомъ слѣдилъ ты за каждымъ приходящимъ къ тебѣ и, хотя слабо, но давалъ свою холодящую уже руку для дружескаго пожатія. Правда, было уже извѣстно серьезное положеніе твоей болѣзни, не скрыть былъ и скорбный и ходъ ея... Такъ думалъ и самъ ты. „Чувствую, что не долго мнѣ жить“, говорилъ ты мнѣ при послѣднемъ напутствованіи тебя таинствами покаянія и св. причащенія, но одного желаю, какъ бы полегче умереть, дабы не отяготить кого своими немощами“. И при этомъ ни одного слова ропота или неудовольствія не сорвалось съ твоихъ устъ на свою судьбу и на Промыслъ Божій. Съ глубокой вѣрой въ Промыслъ Божій ты соединилъ въ себѣ и богатый здравый умъ и доброту сердца: многіе обращались къ тебѣ за совѣтомъ и указаніемъ и каждый нуждающійся не уходилъ отъ тебя безъ жизненныхъ указаній изъ богатой сокровищницы твоего благоразумія и опытности. Не въ краткомъ словѣ раскрывать свѣтлыя и поучительныя черты дарованій твоего ума и сердца, твоей доброй жизни. Простодушіе, незлобіе, прямота и правдивость въ словѣ и дѣлѣ, простота и скромность въ образѣ жизни, привѣтливость со всѣми—вотъ тѣ свѣтлыя, извѣстныя многимъ, отличительныя черты твоей жизни. Но надъ всѣми ими золотымъ вѣнцемъ свѣтитса твоя трудолюбивая жизнь. Съ ранняго утра обыкновенно выходилъ ты на труды дѣланія до глубокаго вечера, до послѣдней роковой своей болѣзни. Являясь здѣсь въ нашемъ городѣ однимъ изъ немногихъ культурныхъ работниковъ, однимъ изъ немногихъ истинныхъ представителей великой міровой державы, имя которой печать, ты всегда высоко держалъ стягъ печати, стягъ того, что называется „высокими идеалами“. Обслуживая печатнымъ словомъ нужды и интересы нашего города и всего Урала, ты былъ для многихъ глашатаемъ свѣта, добра, правды, неподкупной

честности, охранителемъ и стражемъ высокой морали, ты разсѣкалъ своимъ печатнымъ словомъ окружающую мглу и велъ заблуждающихся въ царство свѣта и правды. Какъ ратникъ истины неложный всегда ты былъ борцомъ за правду, ты сладкой лестью не кадилъ и выи гнуть ты не любилъ предъ очами чванныхъ лицъ. Ты добръ и честно потрудился не только какъ сотрудникъ большого провинціального періодическаго изданія, проводя въ немъ лучшія завѣты русской интеллигенціи на благо родины; подчасъ грудью пролагая широкую и ясную дорогу, ты былъ для многихъ тѣмъ огонькомъ въ сѣрой нашей жизни, маякомъ, про который поэтъ сказалъ: тѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды. А говорить ли о томъ, что ни одно почти культурное начинаніе въ нашемъ городѣ не обошлось безъ твоего живого дѣятельнаго участія. Не обвиняя скажу, что во многихъ культурныхъ организаціяхъ въ нашемъ городѣ, не только свѣтскихъ, но и духовныхъ, ты былъ живой душой. Свѣтлыми чертами словомъ сіяеть предъ нами твой образъ и навсегда останется поучительнымъ для насъ, проходящихъ еще земное поприще. Въ утѣшеніе скорбящихъ при твоёмъ гробѣ можно бы сплестъ на гробъ твой роскошнѣйшій вѣнокъ изъ твоихъ добрыхъ дѣлъ. Но довольно. Прости меня, если я вспомнилъ достохвальныя черты твоей жизни не для похвалы твоей, нѣтъ, въ ней, предстою престолу Судіи, ты не нуждаешься, но для общаго нашего назиданія и утѣшенія. Да будетъ память о тебѣ благословенна среди знавшихъ тебя.— Но, благочестивые слушатели, для всякаго человѣка возможны уклоненія отъ добродѣтели: много согрѣшаемъ всѣ, говорить слово Божіе. Были, конечно, слабости и въ жизни почившаго. Правда, онъ смылъ ихъ горячимъ сердечнымъ покаяніемъ и сокрущеніемъ, особенно сильно было его сокрушеніе въ послѣдніе дни его жизни: въ продолженіи всего времени чтенія мною молитвъ предъ его причащеніемъ онъ непрестанно взывалъ: Боже, будь милостивъ мнѣ грѣшному! Но теперь почившій не можетъ уже взывать о милости: духъ его предстоитъ величепріятному правосудію Божію и нуждается въ нашихъ молитвахъ. Помолимся же, благочестивые слушатели, вмѣстѣ съ благостнымъ Святителемъ нашей церкви о почившемъ рабѣ Божіемъ Василиѣ, да мило-

стивъ Онъ будетъ къ нему и приметъ духъ его въ селенія святыхъ своихъ!—Аминь.

Священникъ *О. Коровинъ.*